

Научная статья

УДК 902/904

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-2-37-49>

Погребение раннесяньбийского времени в устье реки Карбан (Северный Алтай)

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Сергей Сергеевич Матренин³

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа и интерпретации материалов раскопок захоронения воина из кургана № 9 некрополя булан-кобинской культуры памятника Карбан-I, исследованного в 1989 г. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет). Данный комплекс находится в Чемальском районе Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс. Зафиксированные особенности погребальных сооружений (насыпь с выкладкой-крепидой овальной формы, неглубокая могильная яма, каменный ящик) и способ ингумации (одиночное труположение на спине, ориентировка умершего в западный сектор горизонта, без сопроводительного захоронения лошади) свидетельствуют о принадлежности данного объекта к карбанской традиции обрядовой практики населения Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. Авторами осуществлена развернутая характеристика сопроводительного инвентаря, представленного предметами вооружения (лук, железный наконечник стрелы, кинжал), снаряжения (поясные пряжки), орудиями труда (костяные наконечники стрел, нож, шило) и украшениями (бусы). Взаимная встречаемость изделий позволила датировать рассматриваемое захоронение раннесяньбийским периодом (II – первая половина III в. н. э.). Сделано заключение о том, что похороненный мужчина относился к рядовому населению булан-кобинского социума, по-видимому, к зажиточной его части. Данный индивид мог входить в группу профессиональных воинов, составлявших легковооруженную конницу. Публикуемые материалы расширяют круг источников для изучения эволюции общества скотоводов Северного Алтая в первой трети I тыс. н. э., а также актуализируют проведение исследований, направленных на выявление погребальных памятников ранней стадии бело-бомского этапа булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, сяньбийское время, булан-кобинская культура, погребение, некрополь, карбанская традиция, сопроводительный инвентарь, хронология, анализ

Благодарности: анализ и культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МД-792.2022.2). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках реализации проекта РНФ №20-18-00179.

Для цитирования: Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Погребение раннесяньбийского времени в устье реки Карбан (Северный Алтай) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 2. С. 37–49. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-2-37-49>

Original article

Burial of the early Xianbei period in the mouth of the Karban River (Northern Altai)

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Sergei S. Matrenin³

¹ Altai State University, Barnaul, Russia, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Abstract. The article presents the results of the analysis and interpretation of materials of the warrior burial from mound

© Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., 2022

No. 9 of the Karban-I necropolis of the Bulan-Koby culture, excavated in 1989 by the expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute (now the Altai State Pedagogical University). This complex is located in the Chermal district of the Altai Republic, on the left bank of the Katun River, 1.7 km northwest of the Kuyus village. The recorded features of the burial structures (mound with an oval-shaped crepe-laying, a shallow grave pit, a stone box) and the method of inhumation (a single corpse lying on the back, the orientation of the deceased to the western sector of the horizon, without the accompanying burial of a horse) testify to the belonging of this object to the Karban ritual tradition of the Altai population in II century BC – V century AD. The authors carried out a detailed description of the accompanying inventory, represented by weapons (bow, iron arrowhead, dagger), equipment (belt buckles), tools (bone arrowheads, knife, awl) and jewelry (beads). Mutual occurrence of items made it possible to date the considered burial by the early Xianbei period (II – first half of 3rd centuries AD). It is concluded that the buried man belonged to the ordinary population of the Bulan-Koby society, apparently, to its prosperous part. This individual could be part of a group of professional warriors who made up the lightly armed cavalry. The published data expand the range of sources for studying the evolution of the society of pastoralists of the Northern Altai in the first third of the I millennium AD, and also update the conduct of research aimed at identifying burial sites of the early stage of the White-Bom stage of the Bulan-Koby culture.

Keywords: Altai, Xianbei period, Bulan-Koby culture, burial, necropolis, Karban tradition, accompanying inventory, chronology, analysis

Acknowledgements: the analysis and cultural-chronological interpretation of the complex were carried out with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation (MD-792.2022.2). Processing of materials from the excavations of the Karban-I necropolis was carried out as part of the implementation of the RSF project No. 20-18-00179.

For citation: Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. (2022) Burial of the early Xianbei period in the mouth of the Karban River (Northern Altai). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 2. P. 37-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-2-37-49>

Введение

В последние десятилетия получены значительные результаты в области изучения материалов раскопок некрополей Алтая II в. до н. э. – V в. н. э., выступающих основным источником для исследования сложных этнокультурных и социальных процессов в этом регионе. Однако, несмотря на имеющийся положительный опыт работ, в том числе с опорой на междисциплинарный подход, на сегодняшний день остается целый ряд проблем, связанных с реконструкцией различных аспектов истории населения булан-кобинской археологической культуры. Одной из актуальных задач является создание дробной периодизации памятников, а также детализация хронологических позиций конкретных объектов.

Результаты хронологической интерпретации материалов раскопок археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая отражены в серии публикаций различного уровня. Первый опыт датировки погребальных памятников данной общности предпринят в середине прошлого столетия А. А. Гавриловой (Гаврилова, 1965. С. 52–57), выделившей одинцовский (II–IV вв. н. э.) и берельский (IV–V вв. н. э.) типы могил. В ходе изучения могильников эпохи Великого переселения народов на некрополе Балыктыюль С. С. Сорокин (Сорокин, 1977) обосновал категории предметов материаль-

ной культуры второй четверти I тыс. н. э., а также показал значимость привлечения для их хронологической атрибуции находок с территории Тувы. Во второй половине 1980-х гг. массовый материал из Восточного Алтая был использован В. Н. Елиным (1987)¹ для выделения кок-пашского типа памятников III–V вв. н. э.

Важным рубежом в осмыслении стремительно расширившегося к концу XX в. корпуса археологических источников стала диссертация Ю. Т. Мамадакова (1990)², в которой было аргументировано существование в Центральном Алтае булан-кобинской культуры, прошедшей в своем развитии два этапа: ранний – I в. до н. э. – II–III вв. н. э. (могильники Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II); поздний – III–IV вв. н. э. (комплексы Бош-Туу-I, Улита).

Значительный вклад в изучение древностей «булан-кобинцев» на территории Северного Алтая внес Ю. С. Худяков. Археолог исследовал и частично ввел в научный оборот уникальный некрополь хуннуского времени (II в. до н. э. – I в. н. э.) Усть-Эдиган,

¹ Елин В. Н. Восточный Алтай в претюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников) : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987. 255 с.

² Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

являющийся базовым комплексом для характеристики начального этапа генезиса булан-кобинской культуры (Худяков, 1997; Худяков, 1998 и др.).

В начале 1990-х гг. горно-алтайские археологи В. И. Соенов и А. В. Эбель, опираясь на репрезентативную серию объектов из могильников Верх-Уймон и Чендек, наметили три этапа в эволюции культуры кочевников Верхней Катунь: II–I вв. до н. э.; I–II вв. н. э.; III–V вв. н. э. (Соенов, Эбель, 1992. С. 56–60. Рис. 46). На основе анализа опубликованных в первой половине 1990-х гг. археологических данных Ю. В. Тетерин (Тетерин, 1995. С. 132–135) обозначил три этапа развития материальной культуры населения Алтая в «гунно-сарматское» время: II в. до н. э. – I в. н. э. (Усть-Эдиган); I–III вв. н. э. (Айрыдаш-I, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II и др.); III–VI вв. н. э. (Берель, Дялян, Катанда-I, Кок-Паш).

Переход на качественно новый уровень хронологической интерпретации памятников булан-кобинской культуры произошел в начале XXI в., чему способствовали положительные результаты в изучении хуннуской и сяньбийской культур Центральной Азии, а также происходивший в отечественной науке процесс ревизии традиционных датировок, ставший возможным благодаря использованию естественно-научных методов. Одним из примеров таких разработок является культурно-хронологическая схема изучения истории скотоводов Алтая во II в. до н. э. – V в. н. э., предложенная А. А. Тишкиным и В. В. Горбуновым, предусматривающая трехчастную периодизацию булан-кобинской культуры: усть-эдиганский (II в. до н. э. – I в. н. э.); бело-бомский (II – первая половина IV в. н. э.); верх-уймонский (вторая половина IV – первая половина V в. н. э.) этапы (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 160–161).

Несмотря на обозначенный позитивный опыт изысканий, приходится констатировать, что возможность дальнейшего эффективного решения задач, связанных с построением хронологии и периодизации памятников булан-кобинской культуры, во многом зависит от количественного и качественного состава введенных в исследовательскую практику археологических источников. К сожалению, значительная часть материалов раскопок базовых некрополей Алтая, характеризующих разные этапы и стадии развития обозначенной общности, до сих пор не опубликована. В связи с этим важным является вве-

дение в научный оборот показательных комплексов и демонстрация возможностей их хронологической интерпретации с привлечением результатов исследования синхронных памятников. В настоящей статье осуществлена публикация одного из таких объектов – воинского погребения, отражающего специфику обрядовой практики и материальной культуры кочевников Северного Алтая в первые столетия I тыс. н. э.

Характеристика источников

Разновременный памятник Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Данный комплекс выявлен в 1983 г. при осуществлении аварийных исследований в зоне предполагаемого водохранилища проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990 гг. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина на территории могильника была раскопана серия курганов разных хронологических периодов. Большая часть вскрытых объектов относится к булан-кобинской археологической культуре (Серегин, Матренин, Демин, 2021 и др.). Они представляли собой свыше 20 компактно локализованных каменных насыпей овальной формы, выстроенных несколькими рядами в широтном направлении. В составе исследованного некрополя количественно преобладали непо потревоженные захоронения мужчин, содержавшие вещественный материал, информативный для осуществления хронологических, этнокультурных и социальных реконструкций.

Курган № 9 расположен в западной части могильника. До начала раскопок данный объект выделялся на местности как небольшое всхолмление, сложенное преимущественно из окатанных галечных валунов. После расчистки была выявлена овальная наброска из камней в один–два слоя, имеющая размеры 3,1 x 2,0 м и вытянутая по линии север–северо-запад – юг–юго-восток. По контуру сооружения прослеживались камни более крупных размеров, образующие выкладку-крепиду (рис. 2.A). После разборки внутреннего пространства данной конструкции обнаружены каменные плиты пере-

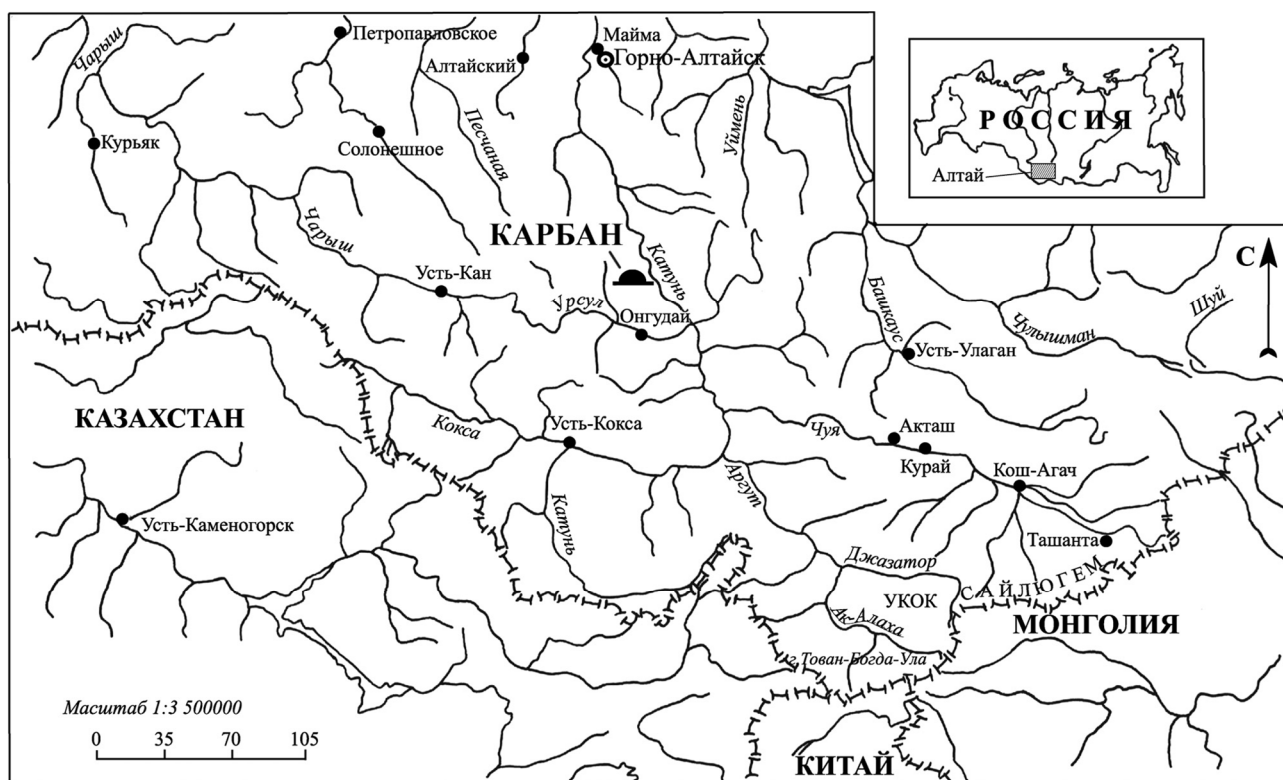

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Карбан-1
 Fig. 1. Map-scheme of the location of the Karban-I site

крытия ящика, который располагался со значительным смещением к юго-западной половине кольца. Каменный ящик трапециевидной формы имел размеры 1,7 x 0,3–0,55 м и был обращен широкой частью на север – северо-запад. В данной погребальной камере на глубине 0,3–0,4 м от уровня древнего горизонта зафиксирован скелет мужчины 35–45 лет в анатомическом порядке (определение кандидата исторических наук С. С. Тур). Умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на север – северо-запад. Череп был повернут вправо, лицевой частью на юго-запад. Правая рука покойного вытянута, кости предплечья немного перекрывались правым крылом таза. Левая рука оказалась немного согнута в локте и лежала на левом крыле таза (рис. 2.В).

В захоронении обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь. На костяке находился составной лук, от которого сохранились роговые накладки (рис. 3) – пара верхних концевых боковых (на правом плече), две срединные боковые и средняя тыльная (на левом крыле таза), обломки нижней концевой боковой (на правой голени). В области груди умершего человека зафиксирована крупная

бусина белого цвета (рис. 4.15; 5.14). Еще три бусины меньшего размера выявлены возле нижней челюсти (рис. 4.16–18; 5.15–17). У правого предплечья покойного обнаружена железная пряжка с прямоугольной рамкой и щитком (рис. 4.12; 5.13), а ближе к правому локтю – пять костяных (рис. 4.2–4, 7–8; 5.3–5, 8–9) и один железный (рис. 4.1; 5.2) наконечники стрел, обращенные остриями вверх. Еще три костяных наконечника (рис. 4.5–6, 9; 5.6–7, 10) найдены порознь в ногах. Вдоль правого бедра умершего человека лежали железные кинжал (рис. 4.14; 5.1) и шило (рис. 4.11; 5.11). На крестце зафиксирована поясная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4.10; 5.12).

Анализ материалов

Документированные элементы захоронения в кургане № 9 некрополя Карбан-1 (рядное расположение наземных сооружений; уплотненная каменная насыпь небольшого размера с кольцевой выкладкой-крепидой овальной формы; неглубокая могильная яма с отвесными стенками; камера в виде ящика; одиночное труположение вытянуто на спине; ориентировка умершего человека головой в

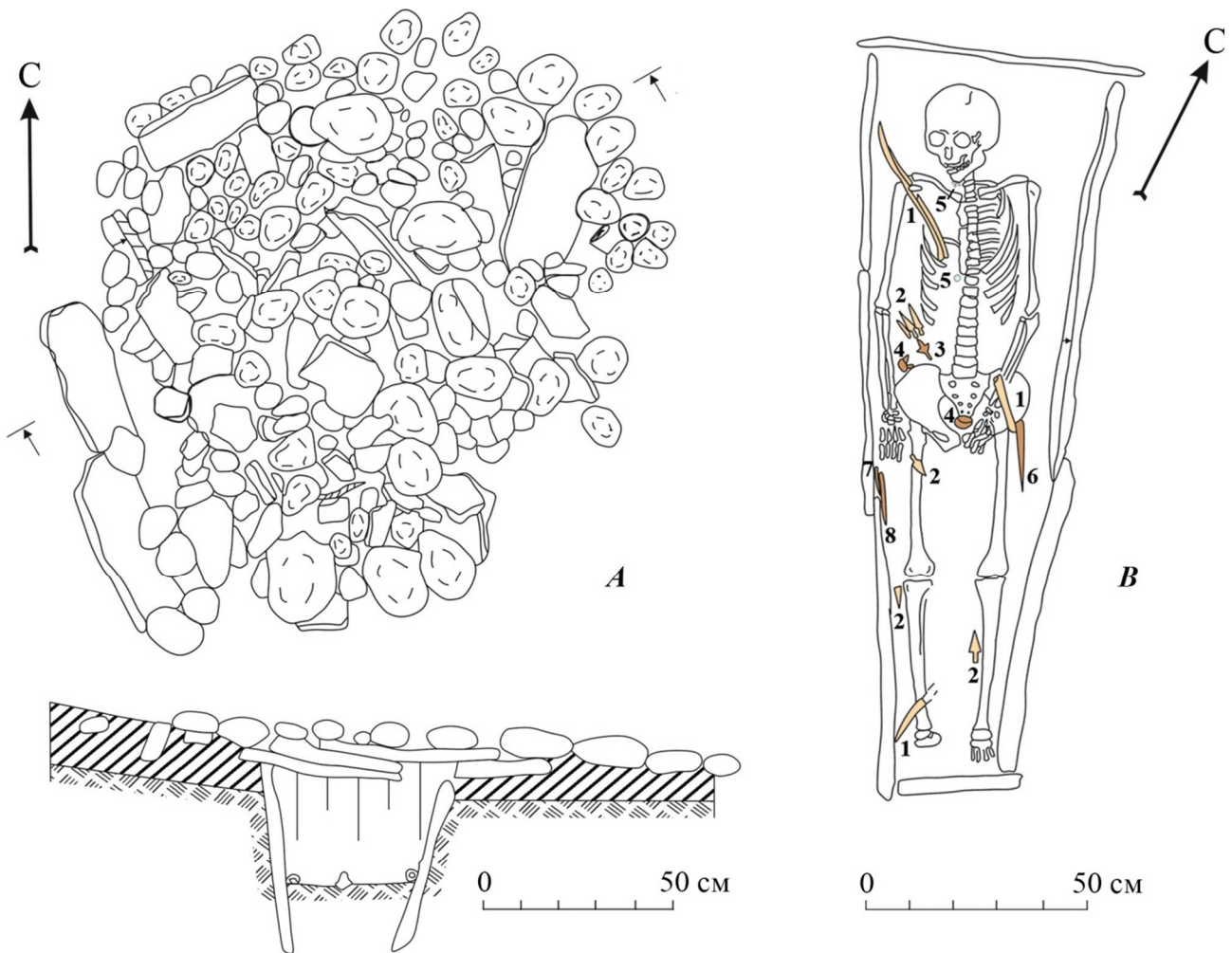

Рис. 2. Карбан-1, курган № 9: А – план и разрез наземной конструкции и погребальной камеры; В – план захоронения (1 – накладки на лук; 2 – костяной (роговой) наконечник стрелы; 3 – железный наконечник стрелы; 4 – поясная пряжка; 5 – бусы; 6 – кинжал; 7 – нож; 8 – шило)

Fig. 2. Karban-I, mound No. 9: A – plan and section of the ground structure and the burial chamber; B – plan of burial (1 - bow overlay; 2 - bone (horn) arrowhead; 3 - iron arrowhead; 4 - belt buckle; 5 - beads; 6 - dagger; 7 - knife; 8 - awl)

северо-западный сектор горизонта) свидетельствуют о его принадлежности к кругу памятников буланкобинской археологической культуры, существовавшей на Алтае на протяжении II в. до н. э. – V в. н. э.

Зафиксированная в рассматриваемом закрытом комплексе серия изделий сопроводительного инвентаря разного функционального назначения оказалась весьма информативной для хронологической интерпретации обозначенного объекта.

Предметы вооружения включали средства ведения дальнего и ближнего боя. В захоронении сохранились фрагментированные роговые накладки сложносоставного лука (рис. 3): две концевые боковые верхние, три срединных (пара боковых, одна тыльная), одна концевая нижняя. Судя по их распо-

ложению *in situ*, лук имел длину в пределах 1,4 м. Следует отметить, что пластины на верхнее плечо были перевернуты головкой с вырезом под тетиву вниз. Данное наблюдение может свидетельствовать о том, что лук был помещен в могилу сломанным или разобранным. Большая длина верхних концевых накладок указывает в пользу асимметричности кибити. Хронологически показательными выступают срединные боковые накладки сегментовидной формы удлинённых пропорций (рис. 3.3, 5), являвшиеся производными от образцов вооружения хунну Монголии и Забайкалья II в. до н. э. – I в. н. э., а также имеющие аналогии в воинском арсенале кочевников Тувы конца I в. до н. э. – начала III в. н. э. (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Цзэвндорж, 1985. Рис. 12.2; 14.10; 16.1; 30.8, 10; Мандельштам, Стам-

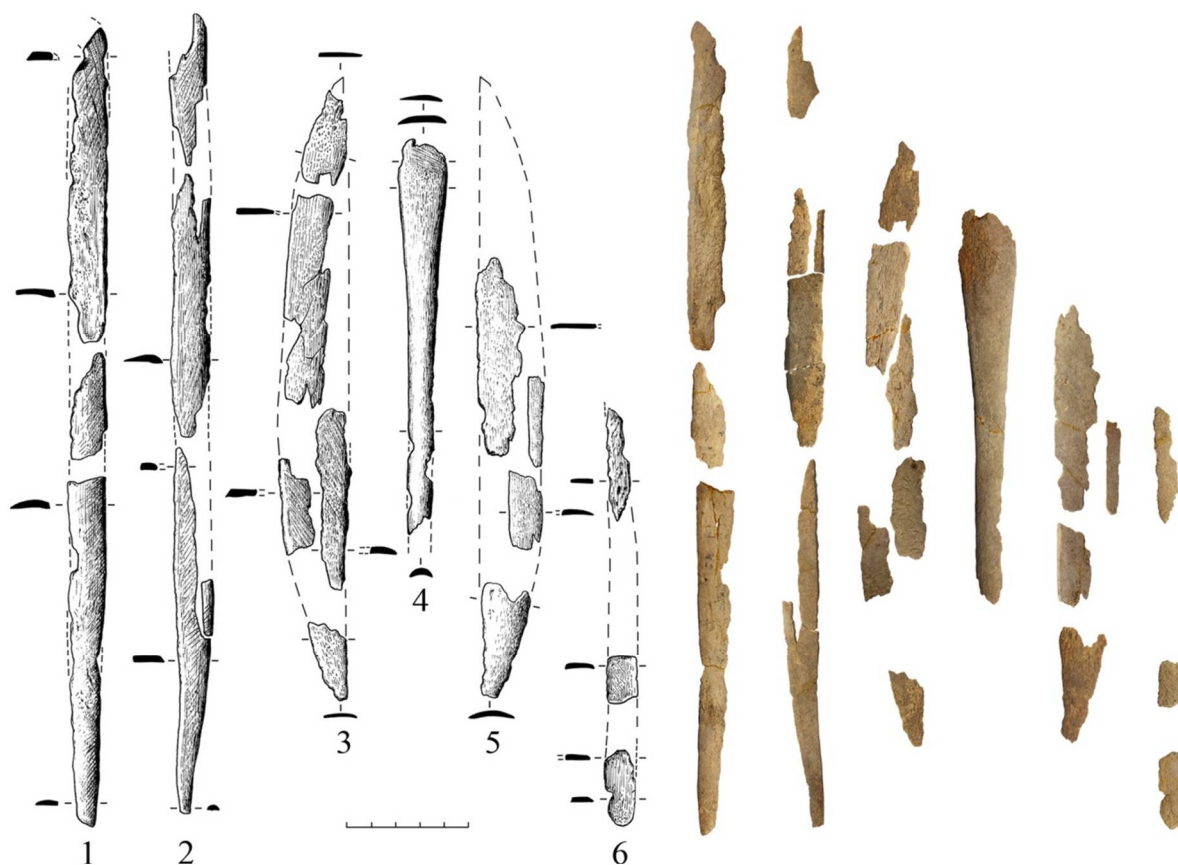

Рис. 3. Карбан-I, курган № 9. Костяные накладки на лук
 Fig. 3. Karban-I, mound No. 9. Bone overlay on bow

бульник, 1992. Табл. 82.21; и др.). У населения булан-кобинской культуры луки с таким оформлением рукояти происходят из комплексов, датирующихся преимущественно II в. до н. э. – I в. н. э. и реже II–III вв. н. э. (Сорокин, 1977. Рис. 10.6; Мамадаков, 1990. Рис. 80–81³; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 22; и др.). Остальные типы накладок (рис. 3.1, 2, 4, 6) существовали на протяжении II в. до н. э. – V в. н. э. (Горбунов, 2006. С. 18).

Обнаруженный в погребении железный черешковый ярусный наконечник стрелы (рис. 4.1; 5.2) с равновеликим пером размерами 4,2 x 2,4 см (верхняя часть – ромбическая; нижняя – шестиугольная) без упора относится, по-видимому, к «экспериментальным» (переходным) образцам изделий от хуннских (II в. до н. э. – I в. н. э.) к южносибирским (III–V вв. н. э.) (Серегин, Тишкин, Матренин, Паршикова, 2020. С. 106).

³ Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Железный кинжал с линзовидным в сечении клинком (длина 13 см, максимальная ширина 2,8 см) с острым окончанием и килевидным абрисом имел прямую рукоять без перекрестия, снабженную деревянным навершием овальной формы (рис. 4.14; 5.1). С учетом зафиксированного расположения можно утверждать, что кинжал носился в ножнах вертикально и, возможно, крепился к бедру, подобно тому, как это практиковалось ранними «булан-кобинцами» в хуннский период (II в. до н. э. – I в. н. э.) (Худяков, 1998. Рис. 16, 20).

Отметим, что в последней четверти I тыс. н. э. у населения Алтая кинжалы выступали вспомогательным средством ведения боя на короткой дистанции, а в II–V вв. н. э. их практически полностью вытеснили длиннорезвийные ножи. При этом единичные находки подобных предметов вооружения ближнего боя с отдельно изготовленным деревянным навершием происходят из погребений позднесаяньбийского (вторая половина III – первая половина IV в. н. э.) и жузанского (вторая половина IV–V вв. н. э.) периодов (Мамадаков, 1996. Рис. 1.1; Бобров, Васютин

А. С., Васютин С. А., 2003. Рис. 9.29). Происхождение таких кинжалов, по-видимому, связано с развитием короткоклинкового оружия «булан-кобинцев» в сяньбийское время на основе образцов кушано-юэчжийской традиции. Возможно, их прототипом были кинжалы без перекрестия с цельнометаллическим овальным навершием наподобие тех, что обнаружены в археологических комплексах второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. Согда и Среднего Енисея (Обельченко, 1978. С. 121–122. Рис. 3.5; Горбунова, 2001. С. 134. Рис. 3.17; Кузьмин, 2011. Рис. 53.1, 2, 8).

Комплекс снаряжения из погребения кургана № 9 представлен двумя простыми *поясами*, от которых сохранились только железные пряжки с подвижным язычком. Информативным для датировки является экземпляр с вытянуто-прямоугольной рамкой (размерами 5,4 x 2,8 см) и пластинчатым щитком в виде пластины-полуобоймы четырехугольной в плане формы укороченных пропорций, фиксирующийся к ремню с помощью шпенька (рис. 4.12; 5.13). Изучение широкого круга материалов показывает, что у скотоводов Алтая подобные изделия появились не ранее II в. н. э., вероятно, под влиянием снаряжения ранних сяньби (Матренин, 2017. С. 46). Карбанский экземпляр имеет аналогию в сяньбийском некрополе конца I – начала III в. н. э. Зоргол-I (Восточное Забайкалье) (Яремчук, 2005. Рис. 101.8)⁴. В булан-кобинской культуре похожая находка обнаружена в погребальном комплексе Айрыдаш-I, который датируется в широких рамках III – первой половины IV в. н. э. (Матренин, 2017. С. 34). Поясная пряжка с овальной рамкой без щитка (рис. 4.10; 5.12) имеет более продолжительный период бытования. На территории Алтая такие изделия, известные уже с хуннского времени (по-видимому, с середины I в. до н. э.), являлись самым популярным типом поясных застежек населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н. э. (Матренин, 2017. С. 30–31, 43; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 72, 76).

Орудия труда и украшения. В публикуемом погребении обнаружены восемь *костяных (рого-*

вых) наконечников стрел с черешковым насадом, отличающихся оформлением поражающей части. Анализ этих изделий и их сопоставление с материалами других погребальных комплексов Алтая позволяют утверждать, что экземпляры, имеющие ромбовидное в сечении перо с листовидным абрисом и покатыми плечиками (рис. 4.4, 8; 5.3, 9), а также многогранные и линзовидные проникатели треугольной формы с вогнутыми плечиками-шипами (рис. 4.5–7; 5.5–7) датируются периодом не ранее II в. н. э. Аналогии им зафиксированы в погребениях, относящихся к бело-бомскому (II – первая половина IV в. н. э.) и верх-уймонскому (вторая половина IV – V в. н. э.) этапам булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1990. Рис. 25.7⁵; Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003. Рис. 6.4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 120; и др.). Широкую относительную хронологию имеют образцы с ромбовидным пятиугольным пером с вогнутыми плечиками-шипами, представленные на Алтае уже в хуннское время (II в. до н. э. – I в. н. э.), а в дальнейшем встречающиеся в могильниках сяньбийского времени (Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Улита) (Мамадаков, 1990. Рис. 15.4, 26.5–6; 66.6⁶; Худяков, 1997. Рис. 2.5–6). Общая датировка таких наконечников определяется в широких границах II в. до н. э. – середины IV в. н. э.

Сохранившийся в обломках *железный нож* имел треугольный в сечении клинок со слегка выгнутой спинкой и наклоненным в сторону лезвия череном для крепления отдельно изготовленной деревянной рукояти, без перекрестия и навершия (рис. 4.13; 5.18). У населения булан-кобинской культуры Алтая похожие изделия характеризуют орудийный комплекс II–V вв. н. э. (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. Рис. 37.19; 40.10; 44.12, 13; 46; Мамадаков, 1990. Рис. 85.12–15⁷; Соенов, Константинова, 2015. С. 20–21. Рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 126. Табл. 36–37; и др.). *Железное четырехгранное шило* (рис. 4.11; 5.11) также обнаруживает серию аналогий в материальной культуре населения Алтая обозначенного периода (Соенов,

⁴ Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

⁵ Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

⁶ Там же. Рис. 15.4, 26.5–6; 66.6.

⁷ Там же. Рис. 85.12–15.

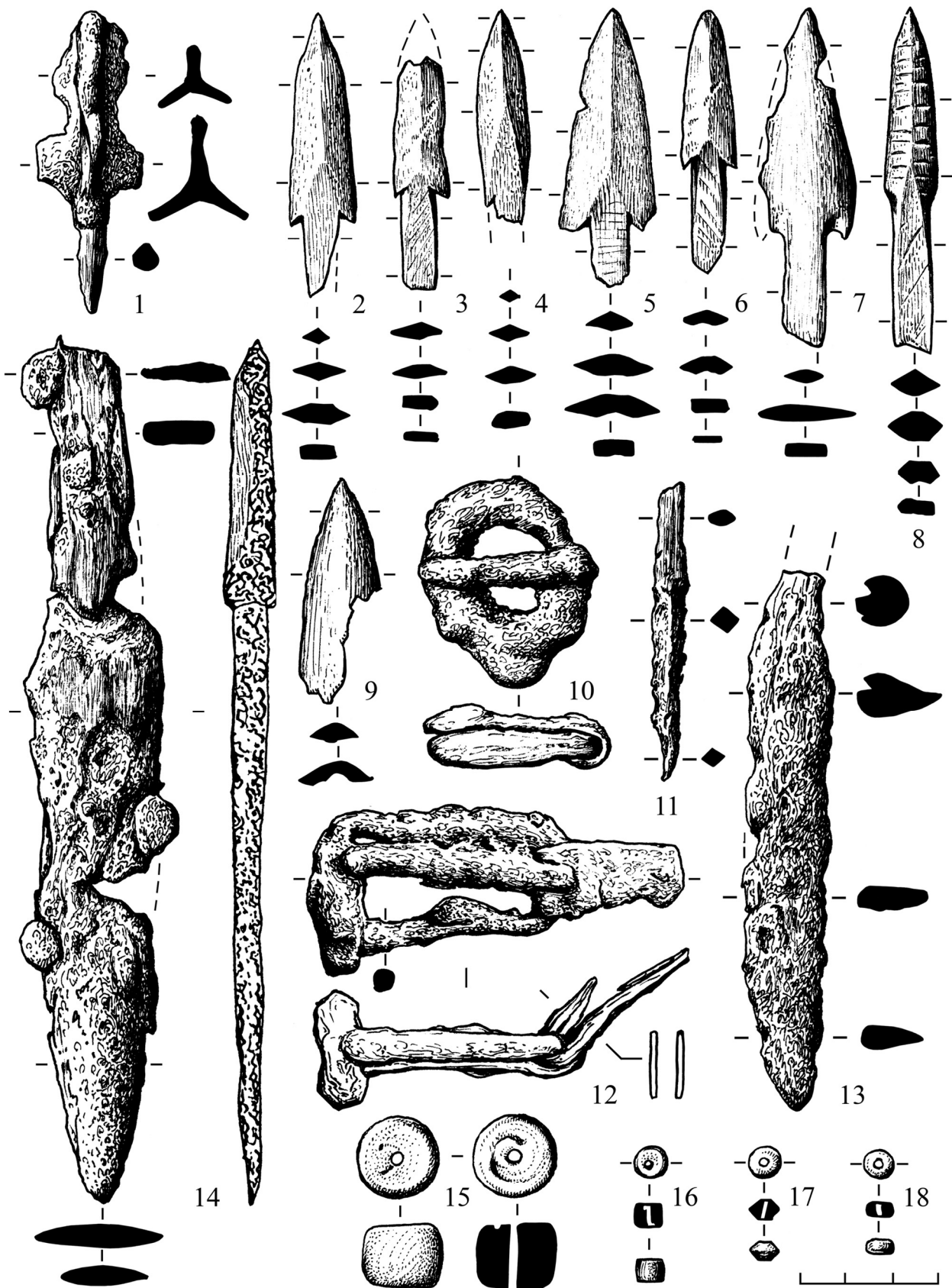

Рис. 4. Карбан-1, курган № 9. Предметный комплекс из погребения: 1-9 – наконечники стрел; 10, 12 – поясные пряжки; 11 – шило; 13 – нож; 14 – кинжал; 15-18 – бусы (1, 10-14 – железо; 2-9 – кость/рог; 15-18 – камень, паста)

Fig. 4. Karban-1, mound No. 9. Finds from the burial: 1-9 - arrowheads; 10, 12 - belt buckles; 11 - awl; 13 - knife; 14 - dagger; 15-18 - beads (1, 10-14 - iron; 2-9 - bone/horn; 15-18 - stone, paste)

Рис. 5. Карбан-1, курган № 9. Предметный комплекс из погребения: 1 – кинжал; 2–10 – наконечники стрел; 11 – шило; 12–13 – поясные пряжки; 14–17 – бусы; 18 – нож (1–2, 11–13, 18 – железо; 3–10 – кость/рог; 14–17 – камень, паста)
Fig. 5. Karban-1, mound No. 9. Finds from the burial: 1 - dagger; 2-10 - arrowheads; 11 - awl; 12-13 - belt buckles; 14-17 - beads; 18 - knife (1-2, 11-13, 18 - iron; 3-10 - bone/horn; 14-17 - stone, paste)

Константинова, 2015. Рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. Табл. 38.4, 6–7; и др.).

Зафиксированные декоративные изделия, представленные *бусами* разного цвета и размера (рис. 4.15–18; 5.14–17), широко встречаются в комплексе украшений «булан-кобинцев» Алтая со II в. н. э. (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990. Рис. 28.2, 40.23, 44.8; Мамадаков, 1990. Рис. 28.5, 9, 14–15; 30; 38.11; 55.13; 65.3, 5–6, 9, 11; 66.8⁸; Трифанова, Соев, 2019. С. 42–43. Рис. 16.4–8).

Обсуждение результатов

Зафиксированные признаки погребальных сооружений (насыпь с выкладкой-крепидой овальной формы, неглубокая могильная яма, каменный ящик) и способ ингумации (одиночное труположение на спине, головой в западный сектор, без сопроводительного захоронения лошади) дают основания для отнесения кургана № 9 к карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской археологической культуры. Судя по имеющимся сведениям, на Алтае носители данной традиции проживали с хуннского времени (II в. до н. э. – I в. н. э.) и составляли одну из самых многочисленных групп скотоводов северной части региона в сяньбийский период (II – первая половина IV в. н. э.). Изучение материалов раскопок погребальных памятников позволяет предположить, что происхождение «карбанцев» было связано со смешением местных племен скифо-сакского времени, среди которых, вероятно, были потомки скотоводов раннескифского времени, вытесненные из ареала своего основного проживания «пазырыкцами», и кочевников из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, ставшего одним из итогов экспансии державы Хунну в северные области Центральной Азии (Серегин, Матренин, 2016. С. 159–160). Не исключено, что дальнейшие антропологические и палеогенетические исследования позволят определить значение различных этнокультурных групп в генезисе «карбанцев», а, возможно, станут основанием для выделения компонента, не фиксируемого пока на основе археологических данных.

⁸ Там же. Рис. 28.5, 9, 14–15; 30; 38.11; 55.13; 65.3, 5–6, 9, 11; 66.8.

В составе сопроводительного инвентаря из захоронения кургана № 9 довольно уверенно выделяются маркеры, позволяющие определить относительную хронологию рассматриваемого закрытого комплекса. Среди поясных гарнитур необходимо обратить внимание на подвижноязычковую пряжку с вытянуто-прямоугольной рамкой и щитком-полуобоймой, имевшую начальный период бытования у населения булан-кобинской культуры Алтая не ранее II в. н. э. Показательным является железный черешковый ярусный наконечник стрелы с равновеликим пером, относящийся, по-видимому, к «экспериментальным» (переходным) образцам изделий от хуннских (II в. до н. э. – I в. н. э.) к южносибирским (III–V вв. н. э.) образцам. Археологический возраст не ранее II в. н. э. демонстрируют и костяные (роговые) черешковые наконечники стрел с различным оформлением пера: ромбовидные с листовидным абрисом и покатыми плечиками; многогранные и линзовидные треугольной формы с вогнутыми плечиками-шипками. Следует также выделить железный кинжал без перекрестия с овальным навершием, имеющий вероятным прототипом клинки кушано-юэчжийской военной традиции I в. до н. э. – I в. н. э. Составной лук сегментовидной формы длинных срединных боковых накладок воспроизводит хуннские образцы и обнаруживает аналогии в комплексе вооружения «булан-кобинцев» II в. до н. э. – III в. н. э. Присутствие в инвентаре других предметов (коротколезвийный черешковый нож, шило, бусы) также не противоречат датировке захоронения периодом позже I в. н. э.

Отметим, что нижнюю хронологическую границу объекта косвенно подтверждают также зафиксированные элементы обрядовой практики, массово фиксирующиеся в традициях населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н. э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 37, 58).

Представленные заключения о времени сооружения публикуемого погребения подтверждают полученные результаты радиоуглеродного датирования серии образцов из материалов некрополя Карбан-I, которые планируется представить в отдельной статье.

Таким образом, принимая во внимание все имеющиеся сведения, воинское погребение из кургана № 9 некрополя Карбан-I может быть датирова-

но раннесяньбийским периодом, наиболее вероятно в рамках II – первой половины III в. н. э.

Состав сопроводительного инвентаря, а также имеющиеся результаты определения социальной значимости разных категорий предметов в мужских захоронениях Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. (Серегин, Матренин, 2020. С. 108–111), позволяют сделать общее заключение относительно прижизненного статуса покойного. Судя по наличию средств ведения дальнего и ближнего боя, данный человек мог входить в группу профессиональных воинов, составляющих легковооруженную конницу. Вероятно, по своему материальному достатку он находился примерно на одном уровне с зажиточной частью рядового населения булан-кобинской культуры. В рамках стратификации скотоводов Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. данный мужчина имел средний индивидуальный социальный статус (Серегин, Матренин, 2020. С. 111), однако выделялся в составе небольшого коллектива, составившего погребения некрополя Карбан-1.

Заключение

Захоронение воина из кургана № 9 могильника Карбан-1 по зафиксированным особенностям погреб-

ального обряда относится к карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, существовавшей на Алтае в течение II в. до н. э. – V в. н. э. Проанализированный комплекс изделий дал основания для датировки данного объекта раннесяньбийским периодом (II – первая половина III в. н. э.), что подтверждают результаты радиоуглеродного исследования органического материала. Судя по составу сопроводительного инвентаря, умерший мужчина при жизни относился к рядовому населению булан-кобинского общества, по-видимому, к зажиточной его части. Данный индивид мог входить в группу профессиональных воинов, формировавших легковооруженную конницу. Публикуемые материалы расширяют круг источников для изучения процессов развития общества кочевников Северного Алтая в первой трети I тыс. н. э., а кроме того, актуализируют проведение исследований, направленных на выявление и детальную интерпретацию погребальных памятников, характеризующих раннюю стадию бело-бомского этапа булан-кобинской археологической культуры. Значительные перспективы в этом плане связаны с публикацией не введенных в научный оборот результатов раскопок и их комплексным изучением.

Список источников

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2006. 232 с.

Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2001. Вып. 35. С. 126–151.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1976. 221 с.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

References

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. (2003) Eastern Altai in the Great Migration Period (III–VII centuries). Novosibirsk: IAET SO RAN. 224 p. (In Russ.).

Gavrilova A. A. (1965) Kudyrga necropolis as a source on the history of the Altai tribes. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p. (In Russ.).

Gorbunov V. V. (2006) Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Pt. II. Offensive weapons (weapons). Barnaul: Altai State University. 232 p. (In Russ.).

Gorbunova N. G. (2001) Pastoralists of Bactria, Sogd and Central Kyzylkum. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = Archaeological Collection of the State Hermitage*. Iss. 35. P. 126–151. (In Russ.).

Konovalov P. B. (1976) Xiongnu in Transbaikalia (funeral sites). Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo. 221 p. (In Russ.).

Kubarev V. D., Kireev S. M., Cheremisin D. V. (1990) Mounds of the Bike place. *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni = Archaeological research on the Katun*. Novosibirsk: Nauka. P. 43–95. (In Russ.).

Kuz'min N. Yu. (2011) Funeral sites of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: the Tesin culture. St. Petersburg: Aising. 456 p. (In Russ.).

Мамадаков Ю. Т. Коллющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 75–78.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 196–205.

Матренин С. С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Советская археология. 1978. № 4. С. 115–127.

Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2021. № 4. С. 32–45.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2016. 272 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. – XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2020. 268 с.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения Северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3. С. 99–118.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В. И., Константинова Е. А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2015. 248 с.

Сорокин С. С. Погребения эпохи «Великого переселения народов» в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Тетерин Ю. В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 1995. С. 131–135.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника

Mamadakov Yu. T. (1996) The stabbing weapon of the Bulan-Koby population. *Aktual'nye problemy sibirskoi arheologii = Actual problems of Siberian archeology*. Barnaul: Altai State University. P. 75-78. (In Russ.).

Mandel'shtam A. M., Stambul'nik E. U. (1992) Hunno-Sarmatian period on the territory of Tuva. *Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya = The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*. Moscow: Nauka. P. 196-205. (In Russ.).

Matrenin S. S. (2017) Equipment of nomads of Altai (II century BC – V century AD). Novosibirsk: SO RAN. 142 p. (In Russ.).

Obel'chenko O. V. (1978) Swords and daggers from the mounds of Sogd. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archeology*. No. 4. P. 115-127. (In Russ.).

Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. (2021) General and special characteristics of children's funeral rites of the population of the Northern Altai of the Xianbei time (based on the materials of the Karban-I complex). *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. No. 4. P. 32-45. (In Russ.).

Seregin N. N., Matrenin S. S. (2016) The funeral rite of the nomads of Altai in the II century BC – XI century AD. Barnaul: Altai State University. 272 p. (In Russ.).

Seregin N. N., Matrenin S. S. (2020) The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC – XIV century AD): based on materials from archaeological complexes. Barnaul: Altai State University. 268 p. (In Russ.).

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. (2020) New materials for the study of ranged weapons among the population of the Northern Altai in the Rouran time. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. No. 3. P. 99-118. (In Russ.).

Soenov V. I., Eebel' A. V. (1992) Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Pedagogical University. 116 p. (In Russ.).

Soenov V. I., Konstantinova E. A. (2015) Handicraft production of the population of Altai (II century BC – V century AD). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. 248 p. (In Russ.).

Sorokin S. S. (1977) Burials of the era of the "Great Migration Period" in the Pazyryk area. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = Archaeological Collection of the State Hermitage*. Iss. 18. P. 57-67. (In Russ.).

Teterin Yu. V. (1995) Belt sets of the Hun-Sarmatian era of Gorny Altai. *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya = Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai*. Barnaul: Altai State University. P. 131-135. (In Russ.).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. (2005) The complex of archaeological sites in the valley of the Biyke River (Gorny Altai). Barnaul: Altai State University. 200 p. (In Russ.).

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Shmidt A. V. (2018) Altai in the Xianbei-Rouran time (based on the materials of the

Степушка). Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2018. 368 с.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2019. 160 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. 1997. Вып. 2. С. 28–37.

Худяков Ю. С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск : Изд-во Кузбасского государственного технического университета, 1998. С. 160–206.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 51–87.

Информация об авторах

Н. Н. Серегин – доктор исторических наук, доцент, кафедра археологии, этнографии и музеологии, Алтайский государственный университет, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, Россия.

М. А. Демин – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, Россия.

С. С. Матренин – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и философии, Барнаульский юридический институт МВД России, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49, Россия.

Вклад авторов

Серегин Н. Н. осуществил культурно-хронологическую и социальную интерпретацию публикуемых материалов и подготовил рукопись к печати.

Демин М. А. осуществил раскопки погребений комплекса Карбан-I, обобщил полученные результаты.

Матренин С. С. систематизировал материалы раскопок комплекса Карбан-I, подготовил иллюстрации к печати.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 марта 2022 г.; одобрена после рецензирования 30 марта 2022 г.; принята к публикации 18 апреля 2022 г.

Stepushka site). Barnaul: Altai State University. 368 p. (In Russ.).

Trifanova S. V., Soenov V. I. (2019) Ornaments of the Altai population of the Hun-Sarmatian period. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University. 160 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1997) Armament of the nomads of the Altai Mountains in the Xiongnu period (based on the materials of the excavations of the Ust-Edigan burial ground). *Izvestiya laboratorii arkheologii = Proceedings of the laboratory of archeology*. Gorno-Altajsk. Iss. 2. P. 28-37. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. (1998) Excavations of the Ust-Edigan burial ground in 1990. *Voprosy arkheologii Severnoi i Tsentral'noi Azii = Questions of archeology of North and Central Asia*. Kemerovo; Gur'evsk: Kuzbass State Technical University. P. 160-206. (In Russ.).

Tsevendorzh D. (1985) New data on Xiongnu archeology (based on excavations in 1972–1977). *Drevnie kul'tury Mongolii = Ancient cultures of Mongolia*. Novosibirsk: Nauka. P. 51-87. (In Russ.).

Information about the authors

N. N. Seregin – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of Archeology, Ethnography and Museology, Altai State University, 61, Lenin Avenue, Barnaul 656049, Russia.

M. A. Demin – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History, Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia.

S. S. Matrenin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 49, Chkalov St., Barnaul 656038, Russia.

Contribution of the authors

Seregin N. N. carried out a cultural, chronological and social interpretation of the published materials and prepared the manuscript for publication.

Demin M. A. carried out excavations of the burials of the Karban-I complex, summarized the results obtained.

Matrenin S. S. systematized the materials of the excavations of the Karban-I complex, prepared illustrations for publication.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 3, 2022; approved after reviewing March 30, 2022; accepted for publication April 18, 2022.